

зем руским взыскати князя Александра, повелением окаанного царя Озбяка, подъяша всю землю Рускую. И приеха князь Иван Данилович в Новгород... и подъяша новгородцев...».⁵⁹ Храбрые псковичи призывают Александра: «Не езд, господине, в Орду; аще что будет на тебе, изомрем с тобою в едином месте...», но Иван Калита настраивает («намолви») митрополита Феогноста против Александра, и митрополит прокликает и отлучает тверского князя и Псков; благородный князь заявляет: «Братья и друзи мои, не буди на вас проклятья, ни отлучение мене ради; еду из города вашего вон...». В СИ—НІV к этому псковскому рассказу добавлены еще отсутствующие в нем слова Александра: «Се и тако ли им (Ивану Калите и другим князьям, — Я. Л.) любо? Погании Тферь взяша, а людей овых плениша, овых мечи иссекоша, а иных ножи изрезаша!»; слова эти также исполнены сочувствия к тверскому князю (возможно, они взяты из того же источника, что и известие о восстании 6835 г.). Последовавшую за этим казнь Александра в Орде сводчик описывал как «горкую, нужную смерть за христианскую веру».⁶⁰

Тема татарского ига и освободительной борьбы с «погаными», несомненно, была одной из основных тем в протографе СИ—НІV. Жертвами татарского ига были не только Михаил Ярославич и его сыновья, но и другой князь, житие которого было включено в протограф СИ—НІV, — Михаил Всеволодич Черниговский. Исследуемый свод соединил в своем составе рассказы различных летописей о Калке и нашествии Батая, дав таким образом подлинно общерусские повести об этих событиях. Наконец, и развернутые повести о Куликовской битве, нашествии Тохтамыша и о житии Дмитрия Донского основываются во всем последующем летописании на тексте СИ—НІV; по справедливому замечанию исследователя этих памятников М. А. Салминой, во всех этих рассказах речь идет прежде всего об «объединении русских сил против врагов Русского государства».⁶¹

Общерусский состав протографа СИ—НІV, важнейшая роль, которую играет в нем национально-объединительная тема, — все это дает основание усомниться в новгородском происхождении этого свода и видеть в нем скорее летопись, связанную с какой-либо общерусской политической силой — вероятнее всего, с московско-владимирской митрополией «всяя Руси». Однако против такого вывода можно было бы возразить, отнеся все разобранные выше общерусские повести к одному из источников исследуемого свода (например, к Полихрону).

Решающее значение при определении характера исследуемого свода приобретает поэтому вопрос о «последнем слое» его редактирования, вопрос о том, к чему именно стремился редактор: к обработке общерусского материала в новгородском духе или, напротив, к подчинению своих разнобразных (в частности, и новгородских) известий единой общерусской тенденции. Ключ к решению этого вопроса дают известия о конфликтах между отдельными русскими княжествами — конфликтах, в которых важнейшую роль постоянно играл Новгород.

В истории внутренних войн между русскими землями в XIV в. особое

⁵⁹ Слова «заложи оканный враг дьявол в сердце» сохранились только в НІV, в СИ — «вложис в сердце», но первичность текста НІV в данном случае подтверждается его совпадением с источником (ср. Псковскую 1-ю и 3-ю летописи под 6835 г.).

⁶⁰ Так в СИ (6847 г.); в НІV (6848 г.) — «горкую, нужную смерть» (без упоминания о вере).

⁶¹ М. А. Салмина. 1) «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина», стр. 374; 2) «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьсаго», стр. 100.